

The background is a dark, atmospheric illustration. On the left, a large, dark gothic cathedral with multiple spires and glowing orange windows stands in a misty, overcast sky. Bare, dark trees frame the scene on both sides. In the foreground, a path covered in brown autumn leaves and puddles leads away from the viewer. Several figures in dark, hooded robes are walking along this path, receding into the distance. The overall mood is mysterious and somber.

Радик Яхин

Башкирское фэнтези - 1

Радик Яхин

Башкирское фэнтези – 1

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Башкирское фэнтези – 1 / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Мир умирал тихо, без катастроф и воплей. Смерть пришла не в образе чумы или войны, а в виде медленного, неумолимого угасания.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Башкирское фэнтези – 1

ПЕСНЯ УГАСАЮЩЕГО СОЛНЦА

Мир умирал тихо, без катастроф и воплей. Смерть пришла не в образе чумы или войны, а в виде медленного, неумолимого угасания. Солнце, великий Ра-Ирге, с каждым циклом становилось все бледнее, его лучи – все холоднее и беспомощнее. Дни сократились до нескольких хмурых часов, а долгие, леденящие ночи напоздали на землю Урал-Батыра с черными, неистовыми тучами, из которых сыпалась не вода, а колкая серая изморось, разъедающая плоть и душу. Люди называли это время Медвяной Смутой, ибо все вокруг покрылось липкой, сладковатой на вкус патиной увядания: деревья стояли, словно вылитые из хрупкого стекла, их ветви звенели при малейшем дуновении, трава превратилась в осколочный ковер, а реки текли медленно, тяжело, как расплавленный свинец. В этом угасающем мире, на самой границе Леса Стенаний и холодной степи, жил Алмаз. Он не был героем из саг. Он был Стражем Леса – последним в длинной династии, чей долг был помнить и охранять. Но охранять было уже нечего. Лес умирал, и его стон, тихий, протяжный, пронизывал Алмаза с рассвета до заката, а вернее – от одного ущербного рассвета до другого. Он жил в каменной башне, сложенной еще его прадедом, и наблюдал, как тени становятся длиннее, а жизнь – призрачнее. Его единственной связью с тем, что еще можно было назвать живым, была Рината. Она приходила к нему раз в несколько дней, принося скудные припасы из Последнего Поселения – горстку черствых лепешек, немного вяленого мяса странных, слепых тварей, что рыскали в степи, и главное – новости. Новости всегда были плохими. Еще один колодец отравлен медвяной росой. Еще одна семья решила уйти на восток, в никем не виданные земли за хребтом. Еще один ребенок родился с глазами цвета тумана и не прожил и дня. Алмаз слушал молча, его скуластое, изрезанное морщинами ранней старости лицо не выражало ничего. Только когда Рината, закончив рассказ, садилась у потухающего очага и начинала тихо напевать старую колыбельную, которую знали все башкирские дети, когда мир еще был молод, в его карих глазах вспыхивала крошечная искорка чего-то, что можно было принять за тепло. Она была дочерью кузнеца, последнего, кто еще пытался ковать железо, но металл теперь ломался, как гнилая ветка. В ее руках, сильных и уверенных, была какая-то непривычная для этого мира надежда, или, может, просто упрямство. Ее темные волосы пахли дымом и полынью, а не сладковатой медвяной смертью. Алмаз никогда не говорил ей об этом, но ее визиты были единственным, что заставляло его чувствовать, что он еще человек, а не просто часть умирающего пейзажа. В тот день, когда все изменилось, Рината пришла раньше обычного. Ее дыхание рвалось, а в широко раскрытых глазах читался не страх, а нечто худшее – ошеломляющее, леденящее недоумение. Она даже не сбросила промокший плащ. «Алмаз, – выдохнула она, и ее голос сорвался. – Ра-Ирге... Он не взошел». Алмаз медленно поднял голову от карты угасающих родников, которую чертил на куске старой кожи. «Что?» – спросил он глухо. «Сегодня. Час утра уже прошел. Небо... небо просто черное. Черное и беззвездное. Как смола. Солнца нет». Алмаз встал так резко, что опрокинул тяжелый дубовый стул. Он подошел к узкому окну, выдолбленному в башенной стене, и откинул ставню. Холодный, мертвый мрак влился в помещение. Ни проблеска, ни намека на свет. Только непроглядная, густая тьма, давящая на глаза и проникающая в самые кости. В этой тьме лесной стон превратился в отчаянный, полный боли вой. И сквозь этот вой, едва уловимый, донесся до его слуха, тренированного годами одиночества, другой звук. Звон. Тонкий, высокий, чистый, как разбитый хрусталь. Звон, который шел не сверху, а из глубин Леса Стенаний. Оттуда, где, по семейным преданиям, хранилось Сердце Леса – древний артефакт, дававший жизнь всему живому. Звон, который мог означать только одно: Сердце затрещало.

Мир не просто умирал. Его добивали. Алмаз повернулся к Ринате. В темноте он едва видел ее бледное лицо. «Собирайся, – сказал он, и его голос прозвучал чужим, металлическим. – Ты права. Солнца нет. Но есть еще один свет. И если он погаснет, то тьма будет вечной. Нам нужно идти вглубь Леса». Рината, не задавая вопросов, лишь кивнула, крепче затянула ремень мешка на своем плече. В ее руке короткий, тяжелый нож кузнеца блеснул в отражении пламени очага – последней точки тепла в наступившей бесконечной ночи. Они вышли из башни, и тьма обняла их, словно физическая субстанция. Алмаз зажег старую сосновую лучину, но ее пламя едва отвоевывало крошечный островок рыжего света в океане чернил. И они шагнули на тропу, ведущую в самое сердце стенаний, туда, откуда никогда не возвращался ни один Страж. Путь начинался.

Лесу Стенаний имя дали не просто так. Каждое дерево здесь, каждое переплетение корней, каждый камень, покрытый липкой медвяной плесенью, хранило память о боли. Когда Ра-Ирге еще дарил тепло, лес был другим – Зеленым Щитом, полным жизни и древней магии. Теперь магия вытекала из него, как кровь из открытой раны, и лес стонал. Стонал от холодного ветра, гулявшего в его мертвых кронах, стонал от тяжести умирания, стонал на языке скрипящих ветвей и падающих осколков хрустальной листвы. Тропа, по которой шли Алмаз и Рината, была едва различима. Алмаз вел их по памяти, по еле заметным меткам, высеченным на камнях его предками: три черты – поворот, круг с трещиной – опасность, спираль – источник (ныне, конечно, отравленный). Лучина Алмаза выхватывала из мрака жуткие картины: дерево, изогнувшееся в немом крике, его ветви вросли в собственный ствол; ручей, в котором вместо воды струилась тягучая, перламутровая субстанция, мерцающая тусклым внутренним светом; скелет оленя, чьи кости были пронизаны тончайшими нитями черного мха, словно его высасывали изнутри. Воздух был густым и сладким, от этого приторного запаха першило в горле. «Я никогда не заходила так далеко, – тихо проговорила Рината, стараясь идти в ногу с Алмазом. Ее нож был наготове. – Отец говорил, что тут живут тени прежних Стражей». «Отец твой был мудр, – отозвался Алмаз, не оборачиваясь. – Но это не тени. Это – Отзвуки. Отпечатки сильных эмоций, оставленные в мире, когда магия была полноводной рекой. Теперь река мелеет, и они проступают, как рисунки на высохшем дне. Боль, страх, отчаяние... их тут больше всего». Как в подтверждение его слов, справа от тропы воздух заколебался, и на мгновение проступил полупрозрачный образ: человек в доспехах, подобных алмазовым, сражался с чемто бесформенным и черным. Звук не было, только беззвучный крик на его лице, прежде чем видение рассыпалось, как дым. Рината сглотнула. Внезапно Алмаз остановился, подняв руку с лучиной. Тропа перед ними исчезала, перекрытая грудой обломков – это рухнула древняя, полая изнутри береза, ставшая хрупкой, как песочный пряник. «В обход, – сказал он. – Держись ближе ко мне. Здесь почва коварная». Они стали пробираться через частокол острых, стеклянных ветвей. Тишину, если можно так назвать постоянный стон леса, нарушил новый звук – шелест, сухой и быстрый, будто кто-то сыплет сухими костями. Алмаз замер. «Тише». Шелест приближался. Со всех сторон. Из-за стволов, из-под слоя осколочной листвы выползли они. Медвяные змеи. Твари, порожденные Смутой. Их тела были слеплены из затвердевшей медвяной росы и праха, они переливались тусклыми масляными цветами. Вместо глаз – черные дыры, вместо пасти – щель, полная игольчатых кристаллов. Их было с десятков, и они двигались с неестественной, прерывистой скоростью. Рината вскрикнула и встала в стойку, нож вперед. «Они не любят открытого огня, но лучины для них мало! – крикнул Алмаз, отступая к ней спиной. Он бросил лучину на землю перед наступающими тварями. Те замедлились, зашипели, но не остановились. Пламя было слишком слабым. – Рината, полынь! У тебя же была связка!» Девушка, не выпуская из виду змею, которая уже подползала к ее ногам, левой рукой судорожно нащупала у пояса пучок сухой, серебристой полыни. Она швырнула его в тлеющую лучину. Вспыхнул яркий, горький огонь, и воздух наполнился резким, чистым запахом. Мед-

вяные змеи отпрянули, их тела закопошились, на поверхности выступили пузыри. Казалось, это сработало. Но самая крупная из тварей, размером с собаку, извернулась и, игнорируя боль, метнулась в сторону Ринаты, сбоку от огня. Алмаз действовал молниеносно. Он не имел при себе меча – это оружие было бесполезно против хрустальных деревьев. Но у него был посох, вырезанный из корня железного дерева, тяжелый и прочный, как камень. Он шагнул вперед, и посох со свистом рассек воздух, угодив твари точно в «голову». Та разлетелась на сотни липких осколков, которые еще секунду извивались на земле, прежде чем затихнуть. Остальные, лишившись вожака, отползли в темноту. Горький дым от полыни висел вокруг них защитным облаком. Рината тяжело дышала, опуская нож. «Спасибо», – выдохнула она. Алмаз лишь кивнул, поднимая еще тлеющую лучину. Его взгляд упал на разбитую тварь. Среди липких обломков что-то слабо блеснуло. Он наклонился и поддел предмет концом посоха. Это был амулет. Кусок бронзы в форме крылатого коня – Тулпара, древнего символа скорости и небес. Амулет был старым, почерневшим, но явно не принадлежал этим земляным тварям. «Страж, – мрачно произнес Алмаз. – Они напали на кого-то до нас. И съели. Это – то, что не переварилось». Рината с отвращением отвела взгляд. «Ты думаешь, кто-то еще пошел к Сердцу?» «Кто-то шел. Больше он никуда не пойдет». Алмаз стряхнул амулет с посоха и двинулся дальше, обходя поваленное дерево. Теперь они шли молча, прислушиваясь к каждому шороху. Лес становился гуще, деревья – толще, а их «плач» – громче и душераздирающее. Давление в воздухе нарастало, словно перед грозой, которой никогда не бывало. Через несколько часов изнурительного пути тропа вывела их на опушку. Но это была не лужайка. Это было кладбище великанов. Перед ними расстиралось поле гигантских грибов – бледных, полупрозрачных, высотой с дом. Их шляпки, похожие на зонтики с оборванной тканью, испускали фосфоресцирующее, синеватое свечение. Оно было тусклым, но после абсолютной тьмы казалось ослепительным. Это был Свечной Луг, место, о котором Алмаз знал лишь по легендам. Грибы не были живыми в полном смысле. Они питались остатками магии, высасывая последние соки из земли. Их свет был похоронным свечением. «Красиво, – прошептала Рината, пораженная. – И жутко». «Держись подальше от теней под шляпками, – предупредил Алмаз. – Там могут прятаться худшие вещи, чем змеи». Они осторожно двинулись между громадных ножек грибов. Свет был обманчивым; он не грел, а лишь отбрасывал глубокие, густые тени. Вдруг Рината схватила Алмаза за рукав. «Смотри!» В свете одного из грибов, у его основания, сидел человек. Вернее, то, что от него осталось. Он был облачен в потрескавшиеся от времени и странной болезни кожаные доспехи, его лицо скрывал капюшон. Он сидел, прислонившись к ножке гриба, и казался спящим. В его руках, сложенных на груди, был длинный, изогнутый лук, сделанный из рога какого-то исполинского зверя. «Еще один Страж? – шепотом спросила Рината. Алмаз медленно приблизился, посох наготове. Он не чувствовал исходящей от фигуры угрозы, только глубокую, всепоглощающую печаль. За несколько шагов до сидящего он остановился. Теперь он видел, что это не человек. По крайней мере, не совсем. Кожа на его руках, выставленная из-под рукавов, была похожа на кору старого дуба. Из-под капюшона виднелись не волосы, а спутанные лианы и мелкие, давно засохшие листья. Лесной странник. Один из древних духов леса, принявших когда-то получеловеческий облик, чтобы общаться с первыми Стражами. Считалось, что они давно исчезли, ушли в глубины, которых не мог коснуться упадок. «Древочел, – благоговейно прошептал Алмаз. Он опустил посох и сделал шаг вперед. – Старейшина?» Фигура пошевелилась. Раздался звук, похожий на скрип расходящихся ветвей. Капюшон медленно поднялся. Внутри, вместо лица, была лишь темнота, усеянная крошечными, тусклыми огоньками, как гнилушки в ночном лесу. Голос, который зазвучал, был многоголосым, в нем слышались шелест листвы, треск коры и плач ручья. «Алмаз, сын Тамерлана, последний Страж. Мы ждали тебя. И ждали девушку с запахом огня и железа в душе. Вы пришли, когда свет Ра-Ирге погас. Это не совпадение. Это последний аккорд песни, которую мир запел давно». «Что происходит, старейшина? – спросил Алмаз, не смея приблизиться. – Почему погасло Солнце? Почему звенит

Сердце Леса?» Древоchel медленно покачал головой. «Солнце не погасло. Его... украли. Спрятали. Его свет поглотили, чтобы обескровить мир, сделать его уязвимым. А Сердце... Сердце зовет на помощь. Но его зов слаб, ибо и оно отравлено. Яд проник в самые корни. Его звенящий крик – это крик младенца, захлебывающегося в черной воде». Рината, преодолев страх, подошла ближе. «Кто это сделал? Где нам искать Солнце? Где искать Сердце?» Огоньки в темноте капюшона на мгновение вспыхнули ярче, уставившись на нее. «Вопрос не «где», дочь кузнеца. Вопрос «в чем». Яд – это не просто субстанция. Это идея. Имя ему – Забвение. Существо, рожденное из последнего вздоха последнего великого шамана, который не смог смириться со смертью мира и предпочел поглотить его память, его историю, его свет, чтобы сохранить в себе одном. Он зовется Акташ – Белый Камень. Ибо холоден и беспощаден, как ледник, и впитывает все цвета, оставляя лишь белизну небытия. Он пьет свет Ра-Ирге где-то в своих чертогах, в месте, что находится между мирами, в складке реальности, которую вы, люди, называете Узловой Пещерой. А Сердце Леса... Он хочет и его, чтобы завершить пир. Чтобы мир стал чистым, пустым, белым листом. Без прошлого. Без будущего. Без боли. И без любви». Алмаз сжал посох так, что костяшки пальцев побелели. «Как остановить его?» «Сердце Леса еще бьется, – прошептал Древоchel, и его голос стал тише, словно силы покидали его. – Его звон – это не только крик о помощи. Это маяк. Он указывает путь к самому себе. Идите на звон. Найдите Сердце. Очистите его. В его ритме – память мира, песнь жизни. Если вы вернете ему чистоту, оно сможет... на мгновение... прожечь дыру в покровах Акташа. Указать путь к украденному свету. Но берегитесь. Акташ знает, что вы идете. Он уже выслал своих слуг. И его лучший охотник... он уже близко. Он идет по вашим следам...» Голос Древоchела затих, превратившись в шелест. Огоньки в его «лице» погасли. Тело духа стало быстро темнеть, трескаться, превращаясь в груды обычной, трухлявой древесины. Внезапно, с противоположного края луга, раздался протяжный, тоскливый вой. Не лесной стон, а именно вой. Полный голода, ненависти и ледяной, бездушной целеустремленности. Вой, от которого кровь стыла в жилах. Алмаз и Рината переглянулись. Охотник Акташа нашел их. И он был уже здесь. «Бежим, – коротко бросил Алмаз. – К центру леса. На звон». Они бросились прочь от угасающего света грибов, вглубь непроглядной чащи, навстречу звенящему отчаянию Сердца и войу погони, набиравшему силу с каждой секундой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.